

ИнСлав

БАЛКАНСКІЙ СОЮЗЪ

и

ПЕРЕЖИВАЕМЫЙ ИМЪ КРИЗИСЪ.

Лекція проф. П. А. Лаврова

въ Обществѣ изуч. Олонец. губ.

18-го авг. 1913 г.

ПЕТРОЗАВОДСКЪ
ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФІА.
1914.

БАЛКАНСКІЙ СОЮЗЪ

и

переживаемый имъ кризисъ *).

Принявъ пріятное для насъ предложеніе прочесть публичную лекцію въ пользу Общества изученія Олонецкой губерніи, задачамъ котораго мы горячо сочувствуемъ, мы избрали темой для нея вопросъ о судьбахъ балканскаго союза. Этотъ союзъ, заключенный при участіи и поддержкѣ дипломатіи трѣхъ великихъ державъ, направленный къ освобожденію христіанскихъ народностей балканскаго полуострова отъ турецкаго господства и обезпеченію независимости этихъ народностей отъ всякаго чужеземнаго посягательства, должны были привѣтствовать всѣ искренніе друзья союзниковъ. Намъ русскимъ его интересы тѣмъ ближе, что они не расходятся съ нашими въ настоящемъ и встрѣчали постоянную и могущественную поддержку русскаго правительства и русскаго народа въ прошломъ. Мы лично жили въ Москвѣ во время боснійско-герцеговинскаго возстанія и русской балканской войны, и не можемъ никогда забыть того одушевленія, которое тогда господствовало въ народѣ и обществѣ и выражалось въ движеніи добровольцевъ и героической

*) Лекція печатается съ небольшими измѣненіями и дополненіями.

борьбѣ во время войны. Сравнивая старыя впечатлѣнія съ нынѣшними, намъ кажется, тогда чувства симпатіи къ славянамъ сильнѣе и глубже, чѣмъ теперь, конечно, весьма, вѣроятно по тому, что мы сами были прямыми участниками въ общемъ дѣлѣ. Позволяемъ высказать, что здѣшнему обществу интересъ къ событіямъ балканскаго полуострова можетъ быть особенно близокъ уже потому, что починъ освобожденію христіанскихъ народовъ отъ турецкаго господства былъ данъ тѣмъ нашимъ Государемъ, геній котораго озарилъ и здѣшній край, пробудивъ его къ производительной жизни, Петромъ Великимъ.

Наше отношеніе къ дѣлу освобожденія народовъ балканскаго полуострова иное, чѣмъ многихъ другихъ европейскихъ державъ и въ особенности Австріи. Это конечно, зависитъ отъ того, что, стоя во главѣ освободительнаго движенія, поддерживая его своими силами, мы въ то же время боролись и за свое дѣло, за свои интересы. Многочисленные войны съ турками расширили наши предѣлы на югъ, давъ намъ богатые и чудные по красотѣ природы земли, какъ Крымъ или Кавказъ. Въ этой борьбѣ съ турками мы всегда опирались на единоплеменное и единовѣрное намъ населеніе балканскаго полуострова. Мы были счастливѣе Австріи и тѣмъ, что не стали на путь захватовъ.

Вполнѣ понятно, что протекавшая передъ нами фаза восточнаго вопроса, дѣятелемъ которой былъ балканскій союзъ, въ концѣ концовъ должна была привлечь общій интересъ. Наши славянскія об-

щества, видные общественные дѣтели устраивали публичныя собранія, на которыхъ выяснялось значеніе борьбы союзниковъ съ турками, принимали участіе въ организаціи имъ помощи. Устраивались собранія и у частныхъ лицъ. Въ особенно выдававшіеся моменты — волна народнаго сочувствія выкатывалась на улицы столицы и внушительныя манифестаціи съ лозунгами „Крестъ на св. Софію“, „Скутари черногорцамъ“ свидѣтельствовали, что въ народѣ и обществѣ живы національные идеалы. Славянскій вопросъ объединялъ людей разныхъ партій и взглядовъ, конечно, не устранивъ извѣстнаго различія въ отбѣнкахъ, силѣ и характерѣ выраженія симпатій союзникамъ.

Позволимъ теперь дать краткія историческія указанія, какъ шло дѣло освобожденія Балканъ отъ владычества турокъ, въ послѣдній разъ едва было не доведенное до конца, до полнаго ихъ изгнанія изъ Европы въ Азію.

Изъ союзныхъ государствъ — самое старшее маленькая Черногорія. Она, строго говоря, одна уцѣлѣла отъ времени завоеваній турками балканскаго полуострова: не была никогда подчинена туркамъ. Ее спасли неприступная горная природа и героизмъ населенія. Съ XVII в. въ ней править домъ Петровичей Негошей. Сначала изъ этого рода выходили владыки, съ 1851 г. началась княжеская династія. Петровичи Негоши дали Черногоріи выдающихся людей. Исполненный энергіи владыка Давидъ, современникъ Петра Великаго, сталъ его вѣрнымъ союзникомъ со времени прутскаго похода. Владыка Петръ I святой былъ глубоко преданъ

союзу съ Россіей, и черногорцы при немъ вмѣстѣ съ русскими боролись противъ французовъ въ Бокѣ котирской. Во время этой борьбы они завладѣли этимъ чуднымъ и превосходнымъ для морскихъ цѣлей заливомъ Адриатическаго моря. Была большая ошибка императора Александра I, что на Вѣнскомъ конгрессѣ онъ далъ согласіе на уступку Боки австрійцамъ. Геройская борьба черногорцевъ прославлена въ прекрасномъ стихотвореніи Пушкина, а значеніе Черной Горы, какъ оплота сербской народности, превосходно выражено въ пѣсняхъ Сербіанки, извѣстной поэмы сербскаго поэта Симеона Милутиновича. Владыка Петръ I, насколько могъ, заботился и о благополучіи бѣдной Черногоріи, употребляя всю силу своего нравственнаго авторитета для прекращенія кровавой племенной борьбы, отъ которой страдали черногорцы. Онъ воспиталъ себѣ еще болѣе замѣчательнаго преемника въ лицѣ своего племянника Петра II, который былъ не только мудрымъ правителемъ, но и сталъ лучшимъ національнымъ сербскимъ поэтомъ, обогатившимъ сербскую литературу прекрасными поэмами Горски Јенацъ и Степанъ малый. При этомъ владыкѣ, Черную Гору охотно посѣщали многіе извѣстные сербы и иностранцы, привлекаемые своеобразіемъ страны и личностью владыки. Одни жили у него на службѣ, другіе были его гостями. Владыка помогалъ сербамъ собирать въ Черногоріи прекрасныя сербскія пѣсни, которыми она и до сихъ поръ богата, онъ и самъ выпустилъ сборникъ народныхъ пѣсень подъ именемъ Сербско огледало, посвятивъ его въ небольшомъ стихотвореніи наше-

му Пушкину. Прекрасный собой, богато одаренный и просвѣщенный, другъ народа онъ завершилъ собой рядъ черногорскихъ владыкъ. Съ его смертью первымъ княземъ черногорскимъ былъ выбранъ Данилъ, а послѣ его непродолжительнаго правленія его преемникомъ сдѣлался нынѣ царствующій король Николай. При немъ Черногорія увеличила свои владѣнія во время русско-турецкой войны и достигла успѣха во внутренней жизни. Открытіе школъ, музея и театра въ Зетскомъ домѣ, появленіе газетъ Гласа Црногорца и др. изданій, составленіе прекраснаго законника проф. Богишичемъ, извѣстнымъ знатокомъ обычнаго славянскаго права, вотъ наиболѣе важное, чѣмъ ознаменовано правленіе нынѣшняго короля. Есть среди черногорцевъ недовольные королемъ. Счастливо устроивъ своихъ дочерей и породнившись съ европейскими дворами, онъ отступилъ отъ патріархальной простоты, отличавшей небольшую страну. Но нельзя забывать и его заслугъ, самъ лично онъ извѣстенъ какъ выдающійся сербскій поэтъ. Въ то же время онъ типичный черногорецъ стараго закала и сербскій патріотъ. Памятно рѣзкое выступленіе противъ него нашей дипломатіи, а давно ли онъ считался единственнымъ другомъ императора Александра III и по случаю исполнившагося 50-ти лѣтія его правленія былъ пожалованъ фельдмаршаломъ нашей арміи.

Сербія, второе союзное государство, недавно въ 1904 г. праздновала столѣтіе борьбы съ турками. Въ 1804 г. вождемъ возстанія за свободу былъ Карагеоргій, дѣдъ нынѣшняго короля Петра. Борь-

ба сербовъ съ турками была продолжительна. Другимъ ея вождемъ послѣ неудачъ, постигшихъ Карагеоргія въ 1813 г., былъ Милошъ Обреновичъ. Оба они явились родоначальниками двухъ сербскихъ династій, попеременно управлявшихъ Сербіей, пока со смерью Короля Александра (1903 г.) не пресѣлся родъ Обреновичей. Хотя въ борьбѣ съ турками сербы и были много обязаны своимъ успѣхамъ, но чтобы обезпечить себѣ успѣхъ, они нуждались въ поддержкѣ сильной европейской державы. Они обратились къ Россіи и признали ея протекторатъ. Въ 1912 г. въ Бухарестѣ заключенъ былъ русскими миръ съ турками, согласно которому они должны были дать сербамъ автономію, но только въ 1830 г. Сербія окончательно признана была автономнымъ княжествомъ, а Милошъ былъ признанъ наслѣдственнымъ княземъ. Въ 1856 г. русскій протекторатъ прекратился, и парижемъ трактатомъ независимость Сербіи была обезпечена гарантіей европейскихъ державъ. Сербское княжество, ограниченное вначалѣ тѣсными предѣлами такъ называемой Шумадіи, по мѣрѣ успѣховъ поставило задачей объединеніе сербовъ, остававшихся подъ турецкимъ владычествомъ. Но сербскіе политики не ограничивались и этимъ. Князю Михаилу Обреновичу приписываются планы объединенія не только сербовъ, но и болгаръ и др. народностей полуострова. Въ 1866 г. онъ заключилъ союзъ съ Черногоріей, въ 1867 г. вошелъ въ сношеніе съ болгарскими эмигрантами въ Бухарестѣ о возстановленіи Болгаріи и соединеніи ея съ Сербіей, въ томъ же году заключилъ союзъ съ Греціей и вступилъ

въ соглашеніе съ Румыніей, а его агенты работали въ пользу общаго движенія въ Босніи и Герцеговинѣ, Албаніи и Македоніи. Неожиданная смерть князя Михаила, послѣ покушенія на него въ Топчидерѣ въ 1868 г., помѣшала осуществленію этихъ плановъ. Отношенія болгаръ и сербовъ были дружескія. Въ Сербіи печатались болгарскія книги, издавались на болгар. яз. газеты, по временамъ въ Бѣлградѣ жили болгарскіе писатели и политическія дѣятели. Въ свою очередь болгаре и македонцы иногда вступали въ ряды сербовъ во время борьбы за освобожденіе. Но достигнуть полнаго объединенія сербскаго народа было не легко. Когда въ 1875 г. вспыхнуло возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ, Черногорцы и Сербы пришли на помощь возставшимъ и объявили Турціи войну. Къ сожалѣнію война не имѣла успѣха и послѣ пораженія сербовъ съ Черняевымъ во главѣ подъ Дюнишемъ, Сербіи грозила опасность турецкаго вторженія, и только вмѣшательство Императора Александра II остановило турокъ. Послѣдовавшая затѣмъ русско-турецкая война происходила въ болгарскихъ краяхъ, Сербы приняли въ ней участіе только въ концѣ. Но, что всего важнѣе, войнѣ предшествовало русско-австрійское соглашеніе въ Рейхштадтѣ, которымъ Россія допускала оккупацию Австріей Босніи и Герцеговины, а сама предполагала вернуть себѣ Бессарабію. Австрія при этомъ дѣйствовала своекорыстно, опасаясь усиленія Сербіи на границѣ, на которой живутъ Сербы и Хорваты. Но для насъ потеря Босніи и Герцеговины сербами и черногорцами была явно не выгодна, а бес-

сарабскій вопросъ ссорилъ насъ съ Румынами, нашими союзниками въ русско-турецкой войнѣ. Уступка имъ Добруджи лишила насъ прямого соприкосновенія съ болгарами. Т. е. это русско-австрійское соглашеніе, крупная ошибка нашей дипломатіи, таила въ себѣ важныя осложненія въ будущемъ и до сихъ поръ сказывается на дѣлахъ балканскаго полуострова роковымъ образомъ. Положеніе сербовъ послѣ возстанія и двухъ войнъ далеко не оправдывало тѣхъ надеждъ, какія они питали. Объединеніе сербской народности въ предѣлахъ Турціи не осуществилось. Боснія и Герцеговина принесены были въ жертву Австріи. Черногорія и Сербія получили сравнительно незначительное увеличеніе своихъ границъ. Между ними на Берлинскомъ конгрессѣ намѣренно оставлена была узкая полоса, ставшая извѣстной подъ именемъ Новобазарскаго Санджака, чтобы помѣшать ихъ соединенію. Въ Санджакѣ были введены Австрійскія войска, и онъ долженъ былъ служить корридормъ, черезъ который Австрійцы должны были пройти къ Солуню. Послѣ того, какъ Сербія долго жила въ надеждѣ объединиться и стать притягательнымъ центромъ славянства на Балканскомъ полуостровѣ, исходъ ея борьбы послѣ Берлинскаго трактата былъ для нея неблагоприятнымъ. На востокъ Балканскаго полуострова появлялось новое славянское государство, и оно сразу становилось въ болѣе выгодныя условія для независимаго политическаго существованія.

Это была Болгарія, послѣдней получившая политическую независимость, но первый по силѣ и значенію членъ Балканскаго союза. Различіе въ

судьбѣ болгарскаго освобожденія было въ томъ, что Болгарія всецѣло создана нами русскими. Война за освобожденіе южныхъ славянъ, объявленная послѣ герцеговинскаго возстанія и сербской войны съ турками подъ прямымъ впечатлѣніемъ рѣзни христіанскаго болгарскаго населенія въ Батакѣ, Перушицѣ и др. мѣстахъ происходила на болгарской территоріи и для Болгаріи имѣла благодѣтельные послѣдствія. Уже не говоримъ о санъ-стефанскомъ договорѣ, который ссздавалъ Болгарію въ границахъ, включавшихъ не только всю Македонію, но также и юго-восточные края съ Нишемъ во главѣ, позднѣе отошедшіе къ Сербіи, даже послѣ печальной памяти берлинскаго конгресса Болгарія сразу выигрывала сравнительно съ Сербіей. Восточная Румелія получила автономію въ то время, какъ Боснія и Герцеговина отдавались въ оккупацию Австріи. Оккупация Россіей Болгаріи была временная, австрійская оккупация Босніи и Герцеговины сдѣлалась безсрочной. Автономія, данная восточной Румеліи, скоро привела къ тому результату, котораго и можно было ожидать, т. е. къ соединенію съ княжествомъ въ 1885 г. Сербы должны были почувствовать глубокое различіе въ своей политической судьбѣ сравнительно съ болѣе счастливыми сосѣдями. Мы въ этомъ году осенью были въ Черногоріи въ Цетинѣ и хорошо помнимъ то волненіе, какое вызвано было извѣстіемъ о румелійскомъ переворотѣ среди Черногорцевъ. Трудно было имъ удержаться отъ сопоставленія успѣха болгаръ съ судьбой своихъ родичей въ Босніи и Герцеговинѣ. Въ Сербіи Миланъ, находившійся тогда подъ

австрійскимъ вліяніємъ, объявилъ Болгаріи войну во имя равновѣсія на Балканскомъ полуостровѣ, забывая при этомъ, что не Болгарія была виновницей нарушенія этого равновѣсія, а отнявшая у Сербовъ Боснію и Герцеговину Австрія.

Въ объявленной войнѣ болгары оказались побѣдителями. Это упрочило за ними военный престижъ. Послѣ войны послѣдовали смуты, кончившіяся тѣмъ, что первый болгарскій князь Александръ Батенбергъ долженъ былъ оставить болгарскій престолъ а послѣ разрыва съ Россіей болгарскимъ княземъ былъ избранъ Фердинандъ Кобургскій. Честолюбивый и тщеславный онъ оказался недурнымъ политикомъ. Обязанный поддержкѣ Стамбулова и его партіи, вначалѣ онъ былъ крайне непопуляренъ. Болгарія при немъ пережила страшный терроръ Стамбулова и попытки освободиться отъ его режима долго были напрасны. Европейскія державы, бывшія нашими противниками, поддерживали враждебное Россіи правительство. Но болгарскій народъ, не забывшій того, что онъ намъ обязанъ своимъ существованіемъ, тяжело переносилъ разрывъ съ державой, освободительницей Болгаріи. Недовольство въ странѣ росло и привело къ паденію Стамбулова. И вотъ Фердинандъ, всецѣло ему обязанный трономъ, принесъ своего министра въ жертву народному негодованію. Тѣмъ не менѣе отношенія къ Россіи все не налаживались, и Фердинанда могла ожидать судьба его преемника, если бы не послѣдовала кончина Императора Александра III. При новомъ государѣ Фердинанду удалось достигнуть примиренія съ Россіей при посредствѣ лучшихъ людей

болгарскаго народа съ митрополитомъ Климентомъ во главѣ. Депутація, посланная къ Императору Николаю II, успѣшно исполнила свою миссію. Послѣ политическаго умиротворенія, Болгарія посвятила все силы внутреннему развитію страны и достигла большихъ успѣховъ въ экономической и хозяйственной жизни богатой природой страны и въ дѣлѣ просвѣщенія. Въ послѣднее время, какъ разъ тогда, когда сербамъ былъ нанесенъ со стороны Австріи большой ударъ аннексіей Босніи и Герцеговины, Болгарія порвала вассальныя отношенія къ Турціи и достигла полной независимости, провозгласивъ болгарское царство. Не смотря однако на все эти успѣхи до осуществленія санъ-стефанской Болгаріи, до полного объединенія болгаръ въ цѣлокупную Болгарію было еще далеко. Подъ турецкимъ владычествомъ все еще оставалось болгарское населеніе Македоніи.

Что касается Греціи, то ея освобожденіе относится къ болѣе раннему времени, чѣмъ Болгаріи. Оно началось при общемъ сочувствіи Европы къ современнымъ грекамъ, какъ потомкамъ знаменитаго въ древнемъ мірѣ народа, прославившаго себя въ наукахъ и искусствахъ*). Не смотря однако на это

*) Въ нашей поэзіи симпатіи къ Греціи увѣковѣчены прекрасными стихами Пушкина: «Возстань, о Греція возстань! Не даромъ напрягаешь силы. Не даромъ потрясаетъ брань Олимпъ и Пиндъ, и Фермопилы. Подъ сѣнью ветхой ихъ вершинъ свобода древняя возникла, святыя мраморы Аѳинъ, гроба Тезея и Перикла. Страна героевъ и боговъ, расторгни рабскія вериги, при пѣньи пламенныхъ стиховъ Тиртея, Байрона и Риги.»

И сербскій поэтъ Јованъ Стерія Поповичъ, по отцу Грекъ, написалъ превосходное стихотвореніе, посвященное одному изъ героевъ возстанія — Марку Вочарису.

возвращеніе всего, что когда то принадлежало Греціи, было дѣломъ не легкимъ. Припомнимъ хотя бы судьбу острова Крита: сколько разъ на немъ происходили возстанія и только теперь его получаетъ Греція. Отношенія грековъ къ сербамъ и болгарамъ всегда были далеко не одинаковы. Съ болгарами греки все время вели войны при царяхъ Симеонѣ, Самуилѣ, Асѣняхъ. Въ церковной жизни шла борьба изъ за самостоятельности болгарской церкви. Съ сербами у грековъ также были войны, но церковный вопросъ прошелъ счастливо. Греки добровольно признали самостоятельность сербской церкви. Въ новѣйшей исторіи у грековъ были сношенія съ сербами. Греческое революціонное общество Гетерія; основанное въ 1814 году, пыталось склонить на свою сторону князя Милоша. Милошъ отказался отъ поддержки грековъ, но въ гетеріи принимали участіе многіе сербскіе эмигранты, и Карагеоргій перешелъ въ Сербію, чтобы по соглашенію съ гетеріей поднять возстаніе противъ турокъ. Оно не удалось только потому, что 13 іюля 1817 года Карагеоргій былъ убитъ. Въ 1821 году, когда вспыхнуло греческое возстаніе, Порта отдала приказъ арестовать сербскихъ депутатовъ въ Царьградѣ, чтобы сдержать Милоша. При князѣ Михаилѣ Обреновичѣ въ сентябрѣ 1867 г. съ Греціей былъ заключенъ союзъ.

Между болгарами и греками добрыя отношенія были нарушены борьбой съ фанаріотами, кончившейся учрежденіемъ экзархіи и схизмой. Послѣ освобожденія Болгаріи положеніе дѣлъ не измѣнилось изъ за церковнаго спора въ Македоніи. Бы-

ли столкновѣнія грековъ съ болгарами и въ княжествѣ. Только въ самое послѣднее время произошло улучшеніе греко-болгарскихъ отношеній, по-видимому при посредствѣ нашей дипломатіи, посла Чарыкова, и при дѣятельномъ участіи во время войны скончавшагося патріарха Іоакима.

Обратимся теперь къ Македоніи, которой суждено было стать яблокомъ раздора между балканскими народами. Страна, щедро одаренная природными богатствами и красотами, съ многочисленными старинными городами, усеянная памятниками античной и славянской старины, колыбель славянской письменности, съ трудолюбивымъ земледѣльческимъ и торговымъ населеніемъ находилась подъ турецкимъ владычествомъ въ незавидномъ положеніи. Только Солунъ еще походилъ на городъ въ европейскомъ смыслѣ и то до извѣстной степени. Иначе все напоминало востокъ, запущенный, не культурный. Возьмемъ Охридъ. Старинный городъ, расположенный на берегу одного изъ прекраснѣйшихъ въ мірѣ озеръ, онъ заброшенъ въ сторонѣ отъ желѣзнодорожнаго пути. На озерѣ вмѣсто пароходовъ ходить своеобразный челнъ на веслахъ гребцовъ. Будь это мѣсто въ Европѣ, оно было бы застроено вилами, переполнено путешественниками. Въздѣсь чудный теплый климатъ, плодовые деревья и виноградъ въ обиліи, прекрасная вода, великолѣпная рыба разныхъ сортовъ форель, знаменитая «риба од Орида» сербскихъ народныхъ пѣсенъ, однимъ словомъ рѣдкія блага природы. Правда все это придаетъ ему прелесть идиллической простоты, которую изгоняетъ шумная культура нашего вѣка.

Такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, особенно тѣхъ, которыя не на желѣзной дорогѣ. При всемъ этомъ грубый турецкій режимъ. Какая разница въ сравненіи съ городами Болгаріи или Сербіи. И какой соблазнъ владѣть этими мѣстами со стороны сосѣдей, грековъ, болгаръ, сербовъ. Удивительно ли, что все они предъявляютъ на эти края притязанія. Отсюда между ними борьба, доходившая до ожесточенія. Турки, пользуясь этимъ соперничествомъ, поддерживали то ту, то другую сторону, смотря по обстоятельствамъ. Надо замѣтить, что въ Македоніи при преобладаніи славянскаго населенія большая этнографическая пестрота. На югѣ, кромѣ славянъ, греки, въ прибрежныхъ мѣстахъ сплошное греческое населеніе. Есть мѣста, гдѣ сплошь живутъ турки, есть еще румыны и албанцы. Въ городахъ почти всюду смѣшанное населеніе.

Долгое время въ Македоніи было сильно греческое вліяніе. Это вліяніе распространялось черезъ посредство церкви и школы. Высшее духовенство, многочисленные епископы были исключительно греки, въ большинствѣ чуждые славянскому населенію. Даже богослуженіе въ церквахъ совершалось на греческомъ языкѣ. И школы были греческія. Понятіе о просвѣщенномъ человѣкѣ — соединялось съ понятіемъ о человѣкѣ, знающемъ по-гречески, воспитанномъ на греческой культурѣ. Даже по-славянски писали греческими буквами. Такъ въ газетѣ „Македонія“, которую издавалъ болгарскій писатель и поэтъ Славейковъ, корреспонденціи изъ Македоніи печатались греческими буквами, конечно ради того, чтобы люди, воспитанные въ греческомъ

духъ, легче могли ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Даже гораздо позднѣе въ 80-е годы, когда мы были въ Москвѣ, одинъ студентъ, уроженецъ Македоніи, изъ Охрида родомъ, показывалъ намъ письмо своего отца, писанное греческими буквами.

Перемѣны настали въ Македоніи съ того времени, какъ была учреждена въ Константинополѣ болгарская экзархія. Учрежденная для противодѣйствія греческому вліянію при содѣйствіи Россіи и Сербіи, экзархія оказала большія услуги славянскому дѣлу Македоніи. Она дѣйствовала здѣсь черезъ духовенство, оставившее греческую патріархію, и чрезъ школу, переходившую въ завѣдываніе экзархата. Съ политической независимостью Болгаріи экзархія получила поддержку ея дипломатическихъ представителей. Турки давали согласіе на открытіе болгарскихъ каѳедръ и въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ городахъ Македоніи были болгарскіе епископы, а въ другихъ болгарскіе и греческіе. Когда нѣсколько позднѣе и сербы начали пропаганду въ Македоніи, и имъ удалось получить своихъ епископовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Скопль и Дебръ. Послѣ этого были случаи, что въ одномъ городѣ былъ и болгарскій епископъ и сербскій, напр. въ Скопль. То же было и съ школами. Одни школы были греческія, другія болгарскія и третьи сербскія. Такія школы верѣдко бывали все три въ одномъ и томъ же городѣ. Сербское вліяніе среди славянскаго населенія Македоніи поддерживали сербскіе дипломатическіе представители. Политическія перемѣны въ Турціи 1908 г. не были благоприятны для болгарской политики въ

Македоніи. Турецкое правительство склонило на свою сторону и часть македонскаго населенія, до того времени стоявшую на сторонѣ болгаръ, проповѣдуя оттоманизмъ. Къ этому теченію примыкали не только будущіе турецкіе чиновники, но даже воеводы и четники. Турки оказывали поддержки сербамъ при выборахъ въ парламентъ и въ церковныхъ дѣлахъ. Въ 1910 г. патріархъ Константинопольскій передалъ сербамъ Дебарско-Велесскую митрополию, въ 1911 г. на сербскую сторону перешла большая часть населенія въ Скопльскомъ округѣ, въ 1910 г. сербамъ были переданы монастыри Сльиче, Трескавецъ и Зерзе. Въ довершеніе всего въ странѣ развилось революціонное движеніе: появились такъ называемыя четы изъ болгаръ, грековъ и сербовъ вступавшія въ борьбу не только съ турками, но и между собою. Съ болгарской стороны были и попытки вооруженнаго возстанія, подавленныя турками. Такое анархическое состояніе Македоніи вызывало вмѣшательство европейскихъ державъ. Оно выразилось въ организаціи международной жандармеріи, предложенной Россіей и Австріей въ 1897 г. Въ самое послѣднее время положеніе осложнилось волненіями албанцевъ. Эти волненія не ограничивались собственно Албаніей, а переносились и въ Старую Сербію и Македонію, въ которой есть точно также мѣста съ значительной примѣсью албанцевъ.

Вмѣшательство Австріи въ македонскія дѣла не было въ интересахъ ни одной изъ соперничающихъ въ Македоніи народностей. Всѣмъ было хорошо извѣстно, что цѣль австрійской политики бы-

ла пройти въ Солунь. Австрія, какъ всегда, пыталась это сдѣлать, пристегивая къ себѣ Россію. Для насъ такое сотрудничество съ Австріей было крайне невыгодно. И безъ всякаго сомнѣнія послѣ аннексіи Босніи и Герцеговины и наши дипломаты пришли къ убѣжденію о нежелательности австро-русскаго соглашенія. Всѣ эти условія вмѣстѣ привели къ тому, что въ общихъ интересахъ и балканскихъ народовъ и покровительствующей имъ Россіи необходимо было придти къ соглашенію, при которомъ достиженіе освобожденія остававшегося въ предѣлахъ Турціи христіанскаго населенія могло осуществиться наилучшимъ образомъ. Такъ создавалась благопріятная почва для балканскаго союза. Къ счастью Австрія была при этомъ застигнута врасплохъ и не могла оказать ему противодѣйствія. Это, конечно, объясняется тѣмъ, что союзъ направленъ былъ не только противъ Турціи, но и противъ Австріи, которая могла всегда легко громить Сербію. Въ союзномъ договорѣ между сербами и болгарами, какъ теперь извѣстно, была особая статья, въ силу которой Болгарія обязывалась помочь сербамъ въ случаѣ нападенія на нихъ Австріи.

Союзники высоко цѣнили поддержку, оказанную ихъ дѣлу державами тройственнаго соглашенія и главнымъ образомъ Россіей.

«У союза была задача съ оружіемъ въ рукахъ разрѣшить съ Турціей старый споръ. Россія съ своимъ союзникомъ и другомъ взяла на себя роль болѣе трудную—нейтрализовать Европу. Въ этой

двойной комбинаціи, въ счастливомъ раздѣленіи труда, лежитъ тайна успѣха балканскаго дѣла. Русская дипломатія можетъ этотъ свой планъ зачислить въ величайшіе свои успѣхи. До сихъ поръ Россія въ своей восточной политикѣ должна была вести войну на два фронта: вооруженную съ Турціей, дипломатическую съ Европой. Вполнѣ понятно, что эти войны не всегда могли заканчиваться такъ идеально, какъ этого ожидали и желали милліоны христіанъ, изнывавшихъ подъ турецкимъ ягомъ. Все же благодаря этимъ войнамъ балканскіе христіане постепенно освобождались отъ мусульманскаго режима. Они постепенно ослабляли Турцію, пока наконецъ нынѣшней войной не довели ее до положенія взять на себя роль европейскаго каваса въ Стамбулѣ.»

«Если-бы Россія хотѣла руководствоваться своими личными интересами, она бы болѣе, чѣмъ вѣроятно, при нынѣшнихъ условіяхъ встрѣтила очень много предложеній для утвержденія своего вліянія на Балканахъ въ компаніи со своимъ старымъ сотрудникомъ по поддержаніи status quo на тѣхъ же самыхъ Балканахъ. Но мы видимъ, что Россія наоборотъ цѣною своихъ насущнѣйшихъ интересовъ (откладываніемъ рѣшенія дарданельскаго вопроса) заняла позицію абсолютнаго отказа отъ всякихъ личныхъ выгодъ.

Только благодаря такому поведенію Россіи и ея союзницы были сдержаны разыгравшіеся завоевательные аппетиты другихъ державъ. Такимъ своимъ поведеніемъ Россія дала возможность Болгаріи при значительной помощи сербской арміи занять Ад-

рианополь, Греціи войти въ Солунь, а Сербіи въ Санджакъ, Скопле и Битоль. Такъ объединенные балканскіе народы освободились отъ турецкаго рабства».

Союзный договоръ былъ заключенъ только между болгарами и сербами. По этому договору былъ произведенъ раздѣлъ Македоніи, имъ опредѣлялось и расширеніе болгаръ на востокъ и сербовъ на западъ въ общихъ чертахъ, но, конечно, имѣлся въ виду выходъ къ Эгейскому морю болгаръ и къ Адриатическому черезъ Албанію сербовъ.

Интересно, какъ проведены были границы?

Въ брошюрѣ проф. Цвѣтча находимъ такія указанія. Начинаясь у Кюстендила, граница должна была проходить между Пчиной и Кривой рѣкой такъ, что Егрипаланка (или Крива Паланка) и Кратово отходили къ болгарамъ, а Скопле и Куманово къ сербамъ. Далѣе черезъ Овче Поле между Брегалницей и Пчиной, пересѣкая Вардаръ сѣвернѣе Велеса. (Этотъ городъ отходилъ къ Болгарамъ). Отсюда къ Охридскому озеру такъ, что Прилепъ, Крушево и Охридъ достаются болгарамъ, Струга, Дебаръ и Тетово сербамъ. Черезъ сѣверную Албанію сербы выходили къ Адриатическому морю около Скадра, Леша и Драча.

Какъ можно будетъ видѣть, эти границы проведены были, считаясь съ тѣми основаніями, которыя приводятъ сербы и болгары въ подтвержденіе своихъ правъ на Македонію. И тѣ и другіе ссылаются на историческое право, языкъ и этнографію.

-- Что касается и историческаго прошлаго, надѣмѣть въ виду слѣдующее. Македонія никогда не представляла собой области политически самостоятельной. Она или принадлежала византійской имперіи, или входила въ составъ болгарскаго или сербскаго государства. Все зависѣло отъ того, какое государство въ какое время было политически сильнѣе. При Симеонѣ господство болгаръ распространялось почти на всю Македонію. При Самуилѣ создалась временно самостоятельная держава, не включавшая однако всю Македонію и недолго просуществовавшая. Въ періодъ второго болгарскаго царства болгары владѣли наибольшей частію Македоніи при Асѣнѣ II. Когда стало усиливаться сербское государство оно увеличивало свои предѣлы на счетъ Македоніи. При Душанѣ почти вся Македонія была въ рукахъ сербовъ. Прибавимъ однако, что Солунъ никогда не удавалось взять ни болгарамъ, ни сербамъ, и онъ до турецкаго завоеванія всегда оставался греческимъ. Особенность историческихъ судебъ Македоніи заключалась еще въ томъ, что въ ней въ отдѣльныхъ ея частяхъ получили силу мѣстные правители, вельможи, нерѣдко пользовавшіеся почти полною независимостію. Достаточно указать, что напр. въ Прилепѣ въ XIV в. правилъ Марко Кралевиѣ, сынъ Вукашина, а Вукашинъ, вельможа Душана, былъ послѣ его смерти соправителемъ Душанова сына Уроша. Т. обр. болгары, близкіе населенію Македоніи, не могли держаться въ ней прочно и постоянно, а сербы стремились въ Македонію по тому, что долиной Вардара шелъ для нихъ наиболѣе удобный путь къ

Эгейскому морю, которымъ они и пользовались. Сказывалось значеніе географическаго положенія. Боснія и Герцеговина, конечно, ближе во всѣхъ отношеніяхъ сербамъ, чѣмъ Македонія, но и та и другая стояли особо и не вошли въ составъ Душанова царства. Этому обособленію содѣйствовали опять географическія условія и политическія: въ той и другой области держались свои правители.

Кто же больше имѣетъ правъ на Македонію болгары или сербы на основаніи этнографической близости, языка? Замѣтимъ здѣсь прежде всего, что отдѣлить въ Македоніи отъ славянскаго населенія греческое очень легко: помогаетъ несходство языка. И рѣчь можетъ быть только развѣ о томъ что культурно македонецъ славянинъ можетъ въ извѣстномъ случаѣ считать себя грекомъ или въ церковномъ отношеніи отдѣляетъ себя патріархистъ отъ экзархиста. Это нѣчто подобное, что было въ старой Польшѣ, когда русскіе, напр. Оржеховскій, выражались про себя *gente Ruthenus, natione Polonus*.

Иное дѣло въ какомъ отношеніи находится славянинъ Македоніи къ болгарамъ и сербамъ, Македонія болгарская ли, или сербская. Объ этомъ идетъ споръ, этому спору посвящена большая въ большинствѣ мало научная, полемическая литература.

Не посвященной въ дѣло публикѣ можетъ казаться страннымъ, какъ же можетъ быть такой споръ, какъ не отличить одинъ языкъ отъ другого. Здѣсь играетъ важную роль, конечно, близость языковъ. Изъ юго-славянскихъ языковъ язы-

ки болгарскій и сербскій, языки двухъ сосѣднихъ народовъ, тѣмъ болѣе приближаются одинъ къ другому, чѣмъ ближе географически одинъ народъ соприкасается съ другимъ. На окраинахъ и полу-чается такое отношеніе, что черты одного языка и черты другого перемѣшиваются, переплетаются. Говоры подобныхъ мѣстностей и могутъ быть характеризованы какъ переходные или смѣшанные. Вотъ, въ чемъ дѣло. Мы посѣтили Македонію въ 1900 году вмѣстѣ съ акад. Кондаковымъ и Милюковымъ и имѣли случай на мѣстѣ познакомиться съ языкомъ македонскаго населенія. Мы начали съ Солуня. Изъ Солуня ѣздили въ ближайшія къ этому городу села. Далѣе ѣздили въ Съръ или Сересъ и Дойранъ, въ Постоль. Затѣмъ объѣхали не малую часть Македоніи въ такомъ порядкѣ: изъ Солуня въ Демиръ Хисаръ, Мельникъ, Петричъ, Струмицу, Радовиште, Штипъ, Велесъ, Скопле, Куманово, Нагоричи. Затѣмъ опять изъ Солуня по другой желѣзной дорогѣ ѣздили въ Битоля, изъ Битоля на лошадяхъ въ монастырь Слѣпче, а другой разъ также на лошадяхъ въ Охридъ съ остановкой на пути въ Рѣснѣ, а отдѣльную поѣздку по озеру на челнѣ совершили на другой берегъ недалеко отъ Струги, пѣшкомъ ходили въ Стругу, откуда родомъ собиратели македонскихъ пѣсенъ братья Минадиновы.

Наблюденіе надъ отдѣльными болгарскими говорами приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Единообразія въ ихъ языкѣ нѣтъ. Они распадаются на группы. Въ юговосточной Македоніи языкъ имѣетъ наибольшую близость къ болгарскому, даже

восточному его нарѣчію. Въ сѣверной Македоніи фонетическія черты преобладаютъ сербскія: рука, зуб. Въ средней и западной Македоніи языкъ близокъ къ западно-болгарскому нарѣчію, но есть въ немъ и сербскія черты. Особенно выдѣляется на крайнемъ Западѣ говоръ дебарскій. Чтобы показать, въ какомъ отношеніи этотъ говоръ послѣдній находится къ болгарскому и сербскому языку, достаточно сослаться на слова знаменитаго В. С. Караджича. Встрѣтивъ въ Черногоріи двухъ уроженцевъ Дебра, онъ такъ охарактеризовалъ ихъ языкъ: „Они говорили не чисто по сербски и не чисто по болгарски, но опять таки ближе къ яз. сербскому, чѣмъ къ настоящему болгарскому“, т.е. восточно-болгарскому нарѣчію. Въ словарномъ запасѣ, въ удареніи въ македонскихъ говорахъ замѣчается близость къ серб. яз. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что македонецъ изъ средней или западной Македоніи, легче пойметъ серба, чѣмъ болгарина изъ восточной Болгаріи. Далѣе слѣдуетъ считаться еще вотъ съ какимъ обстоятельствомъ. Современные македонскіе говоры не получили литературной обработки, болѣе или менѣе продолжительной и послѣдовательной. Попытки писать на томъ или другомъ говорѣ бывали, но онѣ были единичны. Это повело къ тому, что ни одинъ изъ говоровъ не получилъ значенія литературнаго яз. А потому въ македонскихъ школахъ языкомъ преподаванія служитъ или болгарскій въ болгарскихъ школахъ, или сербскій въ сербскихъ. Это объясняется, конечно, и тѣмъ, что политическая пропаганда прививалась населенію извнѣ. Такимъ образомъ,

въ современной Македоніи наблюдаемъ полную противоположность тому, что было тамъ же въ самомъ началѣ славянской письменности. Тогда одинъ изъ македонскихъ говоромъ, ближній къ Солуню, родившій Кирилла и Меѳодія, получилъ значеніе литературнаго яз. и сдѣлался языкомъ церковной литературы и не только повсюду въ Македоніи, но и въ Болгаріи, Сербіи и у насъ въ Россіи. Это тотъ величественный языкъ, который изъ живыхъ слав. яз. наиболѣе близокъ къ языку болгарскому, но только генеалогически, иначе онъ очень отличается отъ современнаго болгарскаго языка, утратившаго надежныя окончанія и др. ф. и болѣе сохраненъ нами не только въ церковномъ употребленіи, но и какъ составной элементъ литературнаго болгарскаго яз. До XV в. этотъ яз. имѣлъ господство и въ Македоніи, а съ этого вѣка и еще ранѣе уже въ XIV в. онъ сталъ уступать мѣсто сербскому литературному яз., который и господствовалъ въ Македоніи цѣлые три вѣка XV, XVI, XVII и только въ XVIII в. сталъ уступать мѣсто болѣе народному яз., пока такой яз. сохранялся, т. е. до перехода школъ въ сербскія или болгарскія руки.

Это тотъ языкъ, который у насъ, у славянъ и на западѣ является основнымъ предметомъ университетскаго преподаванія на историко-филол. факультетѣ.

Въ народномъ бытѣ, народной словесности у славянъ Македоніи точно также много общаго и съ болгарамъ и съ сербамъ. Но сербы придаютъ осо-

бое значеніе Македонской славѣ, совпадающей съ сербской. Это празднованіе памяти того святого, котораго чтить весь родъ. Македонскіе славяне по преимуществу сохранили пѣсни о Маркѣ Кралеви-чѣ, а эти эпическія пѣсни наиболѣе распространены у славянъ въ Македоніи и у сербовъ. Это и понятно, потому что Марко Кралеви-чъ былъ родомъ изъ Прилепа, а его отецъ былъ сербскимъ королемъ. У болгаръ эти пѣсни гораздо чаще встрѣчаются въ западно-болгарскихъ краяхъ, рѣже въ восточной Болгаріи. И самый размѣръ этихъ пѣсенъ въ десять слоговъ совпадаетъ у сербовъ, македонскихъ славянъ и въ западной Болгаріи. Въ восточной Болгаріи эпическій стихъ восьмислоговой. Такимъ образомъ даже если и признавать этнографическій перевѣсъ на сторонѣ болгарской, если находить въ языкѣ большую близость македонскихъ говоровъ къ болгар. яз., нельзя отвергать извѣстной близости къ македонскому населенію и сербовъ.

Послѣ всего этого ясно, что по договору сербы получали сѣверную Македонію съ Кумановымъ и Скоплемъ, такую часть всей Македоніи, на которую они имѣли полныя права какъ историческія, такъ и этнографическія. Но въ то же время важно, что договоръ, проводя эту границу по направленію къ Велесу и Прилепу почти до самыхъ этихъ городовъ и продолжая ее далѣе къ Албаніи такъ, что сербамъ должны были отойти и Струга и Дебаръ, выступалъ изъ этой этнографической границы, захватывая части средней и западной Македоніи. Этимъ самымъ болгары сходили

съ чисто этнографическаго принципа. Въ свою очередь сербы, принимая эту границу, обнаруживали большую умѣренность. Это можно объяснить тѣмъ, что по договору сербы должны были выйти черезъ сѣверную Албанію къ морю, а этотъ выходъ имѣлъ для Сербіи громадное значеніе. Но послѣ войны дипломатическое вмѣшательство Европы кореннымъ образомъ измѣняло договорныя условія.

Военныя дѣйствія союзниковъ въ общемъ и конечномъ результатѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Обнаружилась, правда, нѣкоторая разница отчасти неожиданная. Сербы и греки ранѣе болгаръ успѣли закончить свою задачу на македонскомъ театрѣ войны и въ Албаніи, при чемъ у нихъ нигдѣ не было неудачи. Многіе объясняли это тѣмъ, что главныя силы турокъ были направлены противъ болгаръ во Фракіи. Но сербамъ, намъ думается, удалось послѣ войны доказать, что въ такомъ объясненіи было преувеличеніе. Войска турокъ на македонскомъ театрѣ не уступали ни по количеству, ни по качеству ихъ войскамъ на фракійскомъ театрѣ. Будетъ правильнѣе указать другую разницу. На македонскомъ театрѣ, какъ ни важны были происходившія тамъ битвы, не было такихъ укрѣпленныхъ крѣпостей какъ Адрианополь и такихъ позицій какъ Чатаджа. Это и позволило сербамъ передвинуть часть своего войска въ Фракію. Вѣдь нельзя же отрицать, что паденіе Адрианополя совершилось только при сербской помощи, благодаря сербскимъ пушкамъ, а взять Чатаджу болгарамъ оказалось не

подъ силу. На успѣхѣ военныхъ дѣйствій по указаніямъ сербовъ отразились неудовлетворительное снабженіе болгарской аммуниціи и плохая организація санитарной службы, повлекшая эпидемію. Въ данномъ случаѣ обнаружилось, что сербы лучше были подготовлены къ войнѣ, чѣмъ болгары. Это является неоспоримой заслугой, лицъ, стоящихъ во главѣ сербской арміи. И на полѣ битвы въ открытыхъ бояхъ сербы оказались на высотѣ призванія. Битва подъ Битолемъ или Монастыремъ, продолжавшаяся 5 дней, съ преодоленіемъ чрезвычайно трудныхъ естественныхъ препятствій, была однимъ изъ важнѣйшихъ сраженій. Не менѣе замѣчательенъ и походъ сербовъ черезъ Албанію: „Когда стало извѣстно, что сербы двинулись на Лѣмъ (Алессіо), Драчъ (Дураццо) и Эльбасанъ, никто почти не вѣрилъ въ успѣхъ этого необыкновеннаго военного похода, и многіе, не только политики, но и военные, недовѣрчиво качали головой и удивлялись дерзости сербовъ.“ Не нужно забывать, что Албанія также по природѣ неприступна, какъ и Черногорія, а албанцы, храбры, свободолюбивы и легко могли бы затруднить движеніе сербскаго войска если бы были враждебны сербамъ.

Имѣли успѣхъ и греки. Взяли въ концѣ концовъ Скадаръ и черногорцы, хотя это и стоило имъ страшныхъ жертвъ.

Побѣдоносная война союзниковъ вызвала къ нимъ со стороны европейскихъ державъ неодинаковое отношеніе и это роковымъ образомъ сказалось въ ихъ дальнѣйшей судьбѣ. Австрія, поддержанная

Германіей и Италіей, достигла того, что на лондонской конференціи было рѣшено создать автономную Албанію, никогда не существовавшую, какъ самостоятельное политическое цѣлое, неоднородную и этнографически. Это рѣшеніе великихъ державъ лишило отчасти грековъ и особенно сербовъ плодовъ ихъ побѣдъ. Для сербовъ это было тѣмъ чувствительнѣе, что они остались безъ выхода въ море, добытаго силою оружія. Черногорцы были принуждены оставить Скадаръ. Иначе отнеслись къ болгарамъ. За ними былъ оставленъ Адрианоуполь и они получили выходъ къ Эгейскому морю и расширение прибрежной полосы Чернаго моря: была за ними оставлена линія Мидія-Эносъ.

„Договоръ между Сербіей и Болгаріей, по словамъ Протица говоритъ дословно: Сербія уже теперь 29 февраля 1912 года признаетъ за Болгаріей неоспоримое право на территорію къ востоку отъ рѣки Струмы и горы Родопы, а Болгарія за Сербіей — на территорію къ сѣверу и западу отъ Шаръ планины.

Вся территорія между этими двумя линіями еще тогда признавалась спорною. И всю эту спорную территорію договоръ раздѣлялъ по косой линіи, идущей въ главныхъ чертахъ отъ Эгри Паланки до Струги на Охридскомъ озерѣ, оставляя Стругу, Скопле и Куманово Сербіи.

Болгары въ своей крайней односторонности и эгоизмѣ даже эти опредѣленія договора при посредствѣ европейской и въ особенности русской печати представляютъ неточно и невѣрно.

У нихъ выраженіе договора къ сѣверу и западу отъ Шаръ планины превращается въ выраженіе къ сѣверо-западу отъ Шаръ планины, а Скопле и Куманово относится къ спорной области, вопросъ о которой долженъ быть представленъ на разрѣшеніе русскаго императора.“

Когда отношенія между союзниками все болѣе и болѣе обострялись, было употреблено не мало усилій къ тому, чтобы предупредить катастрофу. Въ Петербургъ для защиты своихъ взглядовъ прибыли сербы и болгары. Печатались статьи въ газетахъ, выпускались отдѣльныя брошюры, обсуждался сербско-болгарскій споръ въ различныхъ обществахъ.

Засѣданія затягивались далеко за полночь. Въ преніяхъ выступали и проживающіе въ столицѣ македонцы. Ихъ рѣчи носили страстный и рѣзкій характеръ. Все это были люди, не подготовленные къ тому, что бы вести спокойное научное обсужденіе.

Приведу одну характерную подробность. Македонцы жаловались, что сербы фамиліи на *овъ* замѣняли окончаніемъ *ичъ*. Это имъ казалось попыткой осербить македонца. Но, господа, когда я пріѣхалъ въ Сербію или лучше сказать въ сербскіе края, въ Новомъ Садѣ и Вѣлградѣ, останавливаясь въ гостиницѣ, я не безъ удивленія не находилъ своей фамиліи на доскѣ, гдѣ записывались имена пріѣзжихъ. Это объяснялось тѣмъ, что сербы принимали за фамилію отчество, и я оказывался Алексіевичемъ. Конечно, поступая такъ, — хозяева сербы не думали меня осербить, а дѣлали

это потому, что у сербовъ фамиліи на *ичъ* рѣшительно преобладаютъ и почти совсѣмъ нѣтъ фамилій съ окончаніемъ *овъ*.

Со стороны можно удивляться тому, какъ мало оцѣнили союзники значеніе союза, не желая ради его сохраненія пойти на неизбѣжныя уступки.

Болгары, получая Адрианополь и Оракію, доступъ къ Эгейскому морю, не довольствовались Кавалой, желая получить и Солунь. Не допуская и мысли объ уступкѣ сербамъ хотя бы нѣкоторой части занятыхъ ихъ оружіемъ земель въ Македоніи, они желали получить всю Македонію, не исключая Скопья и Куманова съ одной стороны и Дебра съ другой. Тогда сербамъ вмѣстѣ съ черногорцами оставались бы только Санджакъ и въ тѣсномъ смыслѣ старая Сербія. Въ свою очередь и по отношенію къ грекамъ болгары шли только на самыя минимальныя уступки въ южной Македоніи. И сербы и греки, потерявъ свои завоеванія въ Албаніи, получали бы тогда наименьшія приращенія послѣ войны, въ которой ихъ участіе было и важно, и значительно для успѣховъ общаго дѣла. Неудивительно, что въ отвѣтъ на явное стремленіе болгаръ къ господству на балканскомъ полуостровѣ они встрѣтили общій отпоръ союзниковъ. Напрасно удивляются болгары, что вмѣстѣ съ греками и сербами оказалась и Черногорія, не имѣвшая никогда никакихъ ссоръ съ ними и получавшая въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ постоянныя субсидіи отъ болгарской казны. Черногорцы и сербы со времени союза выступаютъ во всемъ заодно и въ будущемъ сохранять нужное имъ единство: не даромъ

же теперь нѣтъ между ними географической преграды послѣ присоединенія санджака. При извѣстныхъ уступкахъ дѣло могло бы придти къ болѣе счастливому концу, не было бы страшной войны, полностью уцѣлѣли бы завоеванія во Фракіи, союзъ обезпечивалъ бы лучшее будущее балканскихъ народовъ. Но союзъ требовалъ болѣе равномернаго распредѣленія завоеваній. Когда шелъ вопросъ о допустимости или нѣтъ пересмотра договора, мы высказывались за географическую границу между болгарами и сербами. Такой границей могла бы служить рѣка Вардаръ. Мы приводили извѣстное стихотвореніе болгарскаго поэта Вазова.

На вопросъ, гдѣ Болгарія? онъ отвѣчаетъ:

Тамо азъ ще отговоря,

Дѣ се бѣлий Дунавъ лѣй,

Дѣ отъ истокъ Черно море

И бунтува и свѣтлѣй.

Тамо дѣ се възвиваша

Горда стара планина,

Дѣ Марица тихо шава

Изъ тракійска равнина:

Тамъ дѣ Вардаръ презъ цвѣтита

Струи хладни си вълни,

Дѣ на Рила грѣй главата,

Дѣ то Охридъ синъ шуми,

т. е. „тамъ я отвѣчу, гдѣ льется бѣлый Дунай, гдѣ съ востока бушуетъ и свѣтлѣетъ Черное море; тамъ гдѣ высится гордая Старая Планида, гдѣ Марица тихо журчитъ по равнинѣ Фракіи, тамъ,

гдѣ Вардаръ по цѣбтамъ струить свои холодныя волны, гдѣ свѣтитъ глава Рилы, гдѣ шумитъ синій Охридъ“.

До войны выходило такъ, что Болгарія и получила Оракію съ равниной Марицы, она увеличивала свои границы на Черномъ морѣ и на лѣвомъ берегу достигала бы Вардара. Ей отходила бы т. обр. восточная Македонія. Приходилось бы уступить сербамъ на западѣ по линіи Охридъ и грекамъ на югѣ. Но вѣдь эта уступка оправдывалась для сербовъ потерей сѣверной Албаніи, а для грековъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ свою очередь болгары во Оракіи и на побережьи эгейскаго моря получали бы края съ огромнымъ преобладаніемъ греческаго и турецкаго населенія или съ сплошнымъ греческимъ населеніемъ. Совпаденіе этнографическихъ и государственныхъ границъ трудно достижимо. Почему же именно для Болгаріи въ этомъ случаѣ должно было быть сдѣлано исключеніе? А между тѣмъ и болгары требовали, и ихъ защитники поддерживали такое расширеніе границъ Болгаріи, при которомъ все приводилось въ пользу болгаръ. Сербамъ они не могутъ уступить отдѣльныхъ частей Македоніи, потому что Македонія этнографически ближе болгарамъ. Берега эгейскаго моря должны быть болгарскіе, потому что даютъ Болгаріи выходъ въ Эгейское море, хотя этнографическій принципъ здѣсь не за болгаръ, а за грековъ. Дебарскій округъ болгары не могутъ отдать сербамъ, потому что болгары должны соприкасаться съ Албаніей. Солунъ долженъ быть бол-

До войны выходило такъ, что Болгарія и получила Эракію съ равниной Марицы, она увеличивала свои границы на Черномъ морѣ и на дѣльномъ берегу достигала бы Вардара. Ей отходила бы т. обр. восточная Македонія. Приходилось бы уступить сербамъ на западѣ по линіи Охридъ и грекамъ на югѣ. Но вѣдь эта уступка оправдывалась для сербовъ потерей сѣверной Албаніи, а для грековъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ свою очередь болгары во Эракіи и на побережьи Эгейскаго моря получили бы края съ огромнымъ преобладаніемъ греческаго и турецкаго населенія или съ сплошнымъ греческимъ населеніемъ. Совпаденіе этнографическихъ и государственныхъ границъ трудно достижимо. Почему же именно для Болгаріи въ этомъ случаѣ должно было быть сдѣлано исключеніе? А между тѣмъ и болгары требовали, и ихъ защитники поддерживали такое расширеніе границъ Болгаріи, при которомъ все приводилось въ пользу болгаръ. Сербамъ они не могутъ уступить отдѣльныхъ частей Македоніи, потому что Македонія этнографически ближе болгарамъ. Берега Эгейскаго моря должны быть болгарскіе, потому, что даютъ Болгаріи выходъ въ Эгейское море, хотя этнографическій принципъ здѣсь не за болгаръ, а за грековъ. Дебарекій округъ болгары не могутъ отдать сербамъ, потому что болгары должны соприкасаться съ Албаніей. Солунъ долженъ быть болгарскій, какъ родина Кирила и Меѳодія Стругу нельзя уступить сербамъ, потому что это родина братьевъ Миладиновыхъ. Но, повторяемъ, до войны съ союзниками при всѣхъ уступкахъ, какія бы ни

сдѣлала Болгарія—конечно и союзники тогда бы отвѣтили съ своей стороны уступками—она бы сохранила за собой первенство особенно сравнительно съ Сербіей. Правда она бы усиливала Сербію сверхъ условленнаго договоромъ, но развѣ Сербія не оказала Болгаріи во всемъ помощь и весьма существенную? Развѣ усиленіе Сербіи могло вредить Болгаріи? Она получила бы только болѣе крѣпкій заслонъ со стороны Австріи. А послѣ разгрома Турціи конечно не она можетъ быть опасна балканскимъ народамъ, опасной при ихъ раздорахъ можетъ быть только Австрія. Прибавимъ еще одно соображеніе. Уступая Сербіи западные края Македоніи, Болгарія ни мало не могла опасаться за судьбу македонскаго населенія. Сербія и Болгарія обѣ страны демократическія. Безъ сомнѣнія и въ той и другой сельское населеніе окажется въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ въ Турціи. Все служилое мѣстное чиновничество останется на своихъ мѣстахъ и въ сербскихъ владѣніяхъ, какъ наиболѣе знакомое со своимъ краемъ. Такъ это уже и теперь. Большинство согласилось принять сербскую службу, въ Болгарію ушли только очевидно наиболѣе непримиримые элементы. Переживаемое обостреніе отношеній, конечно, скоро исчезнетъ, какъ только пройдетъ переходное время. Что это будетъ такъ, не можетъ быть сомнѣнія. Нишскій, Пиротскій, Вранскій округи болгаре считаютъ своими и смотрятъ какъ на несправедливость, что эти округи отошли къ Сербіи по Берлинскому трактату. Но мы спросимъ, кто теперь въ этихъ округахъ тяготѣетъ къ Болгаріи,

гдѣ слѣды хотя какого либо недовольства населенія новой родиной? Никто и никакихъ. То же ожидаетъ македонскіе края. Вотъ другое было бы дѣло, если бы одна часть завоеванныхъ земель отходила къ болгарамъ или сербамъ, а другая доставалась Австріи, - а развѣ не ожидала такая судьба македонцевъ, еслибы союзъ не помѣшалъ Австріи перейти въ Солунъ и занять ту же западную Македонію?—участь послѣднихъ могла бы внушать серьезную тревогу. Это значило бы отъ условій жизни въ Турціи перейти не въ лучшія условія молодыхъ свободныхъ демократическихъ государствъ, а въ государство бюрократическое, съ чужими властями, съ капиталистическимъ строемъ, съ чужой школой, чужимъ языкомъ, чужой вѣрой. Насколько для истинныхъ нуждъ населенія важны соціальныя условія, можетъ служить одинъ любопытный примѣръ на тѣхъ же Балканахъ. Въ сѣверовосточномъ углу Сербіи живетъ сплошное румынское населеніе, и не смотря на близость Румыніи, оно не имѣетъ къ ней тяготѣнія, вполнѣ довольно Сербіей. И сейчасъ румыны не подумали воспользоваться балканскими затрудненіями, чтобы присоединить къ своимъ владѣніямъ этотъ край, они предпочли взять придунайскій уголъ Болгаріи. Лучшее доказательство, насколько чисто этнографическій факторъ не имѣетъ рѣшающаго значенія и насколько соціальныя условія получаютъ силу. Вотъ въ какомъ положеніи находятся въ Румыніи крестьяне. Беремъ цифры изъ вѣнской чешской газеты «Часъ» проф. Масарика. Въ Румыніи, сообщается въ ней, болѣе 33% всей земли принадлежитъ крупнымъ

земельнымъ собственникамъ, аграрный арендный строй сильно эксплуатируетъ народъ, оттого въ 1907 г. вспыхнуло крестьянское возстаніе, которое было подавлено только военной силой.

Сербы и Болгары теперь слагаютъ одни на другихъ отвѣтственность за войну, за ея начало*). Война происходила съ крайнимъ ожесточеніемъ. Страсти разгорѣлись едва ли не сильнѣе, чѣмъ въ войнѣ съ турками. Ко всѣмъ ужасамъ войны присоединилось еще крайне печальное явленіе, жестокости, звѣрства. И здѣсь опять одни обвиняютъ другихъ и разобратся въ томъ, кто правъ было бы сейчасъ невозможно и потому напрасно**). Чѣмъ ближе противники, тѣмъ антагонизмъ между ними сильнѣе, рѣзче. Когда на болгарскую землю вступили румыны, болгары имъ не сопротивлялись. Не то было съ сербами и греками.

Будущее вынесетъ приговоръ всѣмъ, кто такъ

*) Въ самое послѣднее время выясняется, что отвѣтственность за начало военныхъ дѣйствій со стороны болгаръ падаетъ на Фердинанда.

**) Мы только что получили: Extraits fac-similés de certaines lettres trouvées dans le courrier du 19 me régiment de la VII me division grecque, saisi par les troupes bulgares dans la région de Razlog 1913. Imprimerie de la Cour Royale. Sofia 1913. Сожженіе селъ и избіеніе противниковъ, не успѣвшихъ спастись бѣгствомъ въ Болгарію. Вотъ главные обвиненія противъ грековъ въ этомъ документѣ. Вышелъ и 2-й выч. Nouvelle série de lettres и т. д. При немъ приложена очень интересная подробная карта юго-западной Македоніи, составленная проф. Гюрд. Ивановымъ.

или иначе былъ виновенъ въ нарушеніи основныхъ началъ гуманности. Сейчасъ мы можемъ только сожалѣть, что вопіющія нарушенія долга любви къ ближнему совершены у близкихъ намъ народовъ.

Война союзниковъ противъ Болгаріи кончилась иначе, чѣмъ можно думать, желали противники союза, отстаивавшіе за балканскими народами право безъ посредничества самостоятельно рѣшить свою судьбу въ надеждѣ, что тѣмъ будетъ достигнуто распаденіе союза. Военная слава Болгаріи была такъ велика, что даже и у насъ многіе сторонники первенствующаго положенія болгаръ на Балк. полуостровѣ накликали эту войну, грозили сербамъ позоромъ новой Сливницы, надѣялись, что закаленные въ бояхъ болгарскіе легіоны разгромятъ противниковъ. О грекахъ нечего и говорить: о нихъ были низкаго мнѣнія, какъ о военной силѣ. Весьма вѣроятно, что возлагались надежды на противо-дѣйствіе сербамъ и грекамъ македонскаго и албанскаго населенія.

На дѣлѣ все кончилось иначе. Вышательство Румыніи было только финаломъ, прекратившимъ дальнѣйшія кровопролитія. Румыніа подвергалась самымъ суровымъ обвиненіямъ за свое выступленіе. Если бы со стороны Румыніи дѣло стояло такъ, чтобы получать отъ союзниковъ тѣ или другія части территоріи, мы готовы были бы согласиться съ этимъ. Но едва-ли можно утверждать это. Румыніа не вошла въ балканскій союзъ. Мы конечно, не посвящены въ то, были ли попытки ее привлечь къ союзу. Вѣроятно нѣтъ, уже по тому, что союзъ направленъ былъ не только противъ

Турціи, но и противъ Австріи, а Румынія послѣ русско-турецкой войны держалась тройственного союза. Близости къ намъ мѣшала судьба Бессарабіи. Оттого со стороны нашей дипломатіи въ послѣднее время употреблены были усилія возстановить дружественныя съ Румыніей отношенія. Почетъ, оказанный румынскому королю, поднесеніемъ фельдмаршальскаго жезла, посредничество относительно уступки Силистріи. Уступка этого городка, болѣе знаменитаго по старымъ историческимъ воспоминаніямъ, нежели по современному его значенію, была тягостна болгарамъ, но опять таки можно ли ее сравнить съ уступкой послѣ второй войны? Оставляя однако чисто румынскіе интересы, въ отношеніи къ союзникамъ, Румынія стала противъ Болгаріи на сторону большинства въ интересахъ равновѣсія на Балканахъ. А, сохраняя доброе расположеніе къ болгарамъ, можно ли, однако, отрицать, что ихъ требованія, какъ бы ни понятны они были въ вопросѣ о Македоніи съ этнографической стороны, въ вопросѣ о гаваняхъ, въ интересѣ выхода къ морю — нарушали это равновѣсіе. Греки и сербы и воздають за это румынамъ понятную благодарность не только въ официальныхъ рѣчахъ ихъ политическихъ вождей и министровъ, но и въ заявленіяхъ общественныхъ дѣятелей. Такое заявленіе находимъ въ вышедшей недавно сербской книгѣ проф. Бѣлича.

„Мы хорошо знаемъ, что Румынія находится въ очень трудномъ и деликатномъ положеніи: между Россіей, не желающей излишняго ослабленія Болгаріи, и Австро-Венгріей, желающей секретнаго союза между Румыніей и Болгаріей. Но Румынія до

сихъ поръ умѣла преодолѣть всѣ затрудненія и достигнуть осуществленія своихъ требованій на своей юго-восточной границѣ. Хотя, если принять во вниманіе положеніе, въ которомъ находилась Болгарія, Румынія не имѣла нужды проливать кровь ни своихъ сыновъ, ни сыновъ Болгаріи, она на полѣ дипломатическомъ одержала великую побѣду. Не смотря на политическій союзъ съ Австро-Венгріей, она не отказалась отъ самостоятельной политики на Балканахъ и тогда, когда эта политика шла вразрѣзъ съ желаніями Австро-Венгріи; такъ точно хотя передъ Румыніей стоитъ могущественная защитница болгаръ Россія, Румынія безпрепятственно вошла съ своимъ войскомъ на болгарскую территорію. По истинѣ достойна похвалы самостоятельность и дѣйствій и политики небольшой державы, которой могла бы позавидовать и иная великая держава, безъ нужды впрягающаяся въ чужую телегу.

Мы со своей стороны должны быть особенно признательны Румыніи. Хотя мы съ греками и побѣдили болгаръ, все-таки считаясь съ свойственной нашимъ бывшимъ союзникамъ привычкою, можно было бы ожидать, что война между нами затянулась бы на болѣе продолжительное время, пока бы дѣло наконецъ не кончилось миромъ. Объективнымъ, насколько это было возможно, вмѣшательствомъ Румыніи и сербы и болгары и греки избавлены многихъ лишнихъ жертвъ. Румынія сверхъ того изъ всѣхъ балканскихъ народовъ, которые не желаютъ односторонняго рѣшенія вопроса о преобладаніи на Балканахъ, заслужила

особую благодарность, что съ оружіемъ въ рукахъ вышла на защиту принципа равновѣсія на Балканахъ. Этимъ она показала, что таково ея сознательное убѣжденіе, за которое она готова пролить кровь*)." "

Какъ же смотрѣтъ на результаты новой войны и Бухарестскаго мира?

Болгарія выходитъ наиболѣе пострадавшей стороной. Болгарскіе политики должны теперь сознать свои великія ошибки. Не желая сдѣлать союзникамъ уступки, обнаруживъ явное стремленіе использовать результаты союзной войны противъ турокъ въ своихъ интересахъ, отказавшись отъ русскаго посредничества, они теперь въ Бухарестѣ вынуждены были принять несравненно болѣе тяжкія условія. Мало того они навлекли на страну новую бѣду. Передвинувъ военныя силы для борьбы съ сербами и греками изъ Оракія въ Македонію, они оставили безъ защиты недавнія завоеванія. Турки не замедлили этимъ воспользоваться и заняли Адрианополь и берегъ Марицы. Послѣ этого, если европейскимъ державамъ не удастся настоять на возстановленіи границы Мидія-Эносъ, — а какъ мало надеждъ, что это можетъ случиться, — положеніе Болгаріи еще болѣе ухудшается, конечно уже не по винѣ союзниковъ. Что касается послѣднихъ, то греки съ Солунемъ и Кавалой на Эгейскомъ морѣ получаютъ господствующее положеніе и выходятъ внушительной морской державой. За ними въ этомъ отношеніи всегда останется преимущество.

*) А. Белвчъ. Срби и Булгари у Балканскомъ савезу и у медъюсобномъ рату. Белград. 1913 стр. 184—185.

Греки по самому положенію своей страны природные моряки и прекрасно знают свои моря. По естественному праву имъ и слѣдуетъ быть на этихъ моряхъ хозяевами. Не удивительно поэтому, что Франціи въ интересахъ возстановленія равновѣсія на Средиземномъ морѣ поддерживаетъ Грецію въ противовѣсъ Австріи и Италіи. Съ нашей стороны не было бы основанія расходиться съ союзной державой. Прибрежье Эгейскаго моря всегда было греческое этнографически и политически. Только въ Солунѣ вплотную къ городу подходит славянское населеніе, но въ самомъ городѣ преобладаютъ греки и евреи, а именно евреи старожилы на Балканскомъ полуостровѣ, пришедшіе въ Турцію изъ Испаніи и вездѣ извѣстные подъ именемъ Шпаньеловъ. Славяно болгары и сербы здѣсь въ меньшинствѣ. Но, конечно, ни тѣмъ ни другимъ—ни сербамъ, ни болгарамъ—при добрыхъ отношеніяхъ съ греками ничто не мѣшаетъ пользоваться этими портами.

Другое дѣло прилегающіе къ морскому берегу края Македоніи. Здѣсь съ славянской точки зрѣнія было бы предпочтительнѣе большее согласованіе съ принципомъ этнографическимъ. Какъ раздѣлъ состоялся теперь, многія мѣстности отошли къ грекамъ съ преобладающимъ по численности славянскимъ населеніемъ. Намъ думается, такой исходъ зависѣлъ прежде всего отъ условій первоначальнаго сербско-болгарскаго договора. Проведенная имъ граница оставляла открытымъ вопросъ, гдѣ же пройдетъ пограничная линія между болгарами и греками. Эта неопредѣленность и создала затрудне-

нія. Было бы другое дѣло, если-бы раздѣлъ владѣній въ Македоніи между болгарами и сербами произведенъ былъ въ другомъ направленіи по Вардару, тогда, само собою понятно, восточная часть Македоніи отходила бы къ болгарамъ и западная къ сербамъ, при чемъ тѣ и другіе подходили бы къ самому берегу моря независимо отъ судьбы Солуны. При этомъ у сербовъ не было бы нужды заключать соглашеніе съ греками, чтобы граничить съ ними непосредственно во избѣжаніе быть вдвойнѣ отрѣзанными отъ моря. Но тогда, конечно, болгарамъ не пришлось бы оспаривать у грековъ Кавалу, пришлось бы имъ уступить большую полосу морского побережья, гдѣ населеніе преимущественно греческое и турецкое, чуждое болгарамъ. Получился бы условія, при которыхъ гораздо легче было избѣжать междоусобной войны.

При настоящихъ обстоятельствахъ остается пожелать, чтобы! славянское населеніе той части Македоніи, которая отойдетъ къ Греціи, могло сохранить за собой все культурныя приобрѣтенія, какія были сдѣланы болгарами и сербами.

Для той борьбы между тѣми и другими, какая велась до сихъ поръ, теперь не будетъ почвы и практичныя македонскіе славяне, можно думать, ее прекратятъ. А со стороны Греціи будетъ въ прямыхъ ея интересахъ не чинить этому никакихъ препятствій и тѣмъ привлечь на свою сторону мѣстное славянское населеніе. Не надо опускать изъ виду, что въ южной Македоніи сохранялась въ

большей степени связь съ греками и во многихъ селахъ вліятельные крестьяне не порывали съ патриархіей и цѣнили греческую культуру. Что касается сербовъ, то при сохраненіи союзныхъ отношеній съ Греціей они будутъ пользоваться Солунью главнымъ образомъ для торговыхъ цѣлей. Имъ уже не нужно будетъ продолжать обостренную борьбу національнаго характера, какая страстно велась, пока были виды на обладаніе самимъ Солунемъ со стороны болгаръ и сербовъ. Солунь при такомъ умиротвореніи народныхъ споровъ ожидала бы блестящая будущность не только какъ торговаго, но и какъ культурнаго центра. Конечно, наши оптимистическія заключенія оправдаются только въ томъ случаѣ, если на Балканахъ водворится прочный миръ, если не будутъ питаться надежды на реваншъ съ болгарской стороны. Сохраняя благожелательное отношеніе къ южно-македонскому населенію и въ то же время предоставляя своимъ македонскимъ краямъ возможно въ большей степени свободу сохранить свои народныя черты, сербы и греки въ значительной степени могли бы вознаградить македонцевъ за неосуществленіе ихъ плановъ объ автономной Македоніи. Мы лично никогда не сочувствовали этимъ планамъ по тому главнымъ образомъ, что печальный опытъ насъ учить, къ чему ведетъ дробленіе славянскихъ слядъ. Послѣ военныхъ жертвъ Греціи, Сербіи и Болгаріи автономія была немыслима. Автономная Македонія могла бы сдѣлаться очагомъ враждебныхъ балканскимъ народамъ вліяній и прежде всего австрійскаго. Судя по извѣстіямъ газеты «Cas» Австрія и думала выступить

съ предложеніемъ независимой Македоніи съ главнымъ городомъ Солунемъ. Въ Бухарестъ болгаръ также заговорили объ этомъ. Но ни греки, ни сербы не могли на это согласиться. Проф. Беличъ справедливо удивляется, что за автономію высказывалось юридическое общество въ Петербургѣ. „Только тотъ, кто желаетъ дальнѣйшаго раздора на Балканѣ, только тотъ, кто хочетъ насильственно лишить мира, ожидающаго балканскіе народы, не имѣетъ въ себѣ и искры справедливости, можетъ говорить объ автономіи Македоніи. Если русскіе знали, какой абсурдъ они предлагаютъ, слѣдуя петербургскимъ лукавымъ болгарамъ, выдающимъ себя за македонцевъ, и македонцамъ, предпочитавшимъ во время освобожденія родины находиться далеко отъ нея и распространять гнусную ложь и обманъ о тѣхъ, которые ее освобождали, они бы ужаснулись своего рѣшенія. И если бы они не знали, что автономія Македоніи значить гибель южнаго славянства, то они должны были бы знать, что это для славянъ роковое дѣло, если они, защищая его оказались въ согласіи съ Австро-Венгріей,“ стр. 183. И въ самомъ дѣлѣ усиленіе Сербіи и Черногоріи послѣ всѣхъ перемѣнъ на Балканахъ является крупнымъ выигрышемъ славянскаго дѣла. Отнынѣ Австрія должна оставить всякую надежду на разъединеніе сербовъ. Господство въ Санджакѣ, проходъ въ Солунь все это теперь по сбывшіся мечты. Независимость южнаго славянства въ западной части балканскаго полуострова обезпечена. Укрѣпивъ и во природѣ мало доступныя границы въ Санджакѣ, располагая общими военными

силами при отличающемъ націю героизмъ, сербы королевства и Черногоріи будутъ надежнымъ стражомъ Балканъ. Мы, поэтому, не можемъ понять, какъ возможно было русскимъ газетамъ грозить Сербіи Австріей и пальцемъ указывать на Санджакъ, знаемъ объ этомъ изъ книги проф. Белича, стр. 176. Нельзя поддерживать одну сторону, надеясь ударъ другой, какъ это было на Берлинскомъ конгрессѣ. Усиленіе сербовъ можетъ быть благоприятно и для ихъ единоплеменниковъ въ Австріи, для хорватовъ и словинцевъ. Австрія вынуждена будетъ относиться къ нимъ съ большимъ вниманіемъ, если не будетъ считаться съ возможностью ихъ потерять, какъ Ломбардію. Усиленіе Сербіи и Черногоріи, съ которыми насъ всегда соединяли дружественныя связи, является и нашей выгодой и залогомъ успѣха въ достиженіи конечныхъ задачъ нашей политики на Балканахъ.

Что касается Болгаріи, то конечно тотчасъ послѣ проигранной войны она не вступитъ въ союзъ съ своими противниками. Сейчасъ болгары настроены крайне враждебно къ недавнимъ союзникамъ. Въ открытомъ письмѣ отъ 20 іюля къ словинцу Грабару славянскаго благотворительнаго общества въ Болгаріи—недавно нами полученномъ—сербы и греки обвиняются въ подготовленіи войны съ Болгаріей, въ заключеніи противъ нея союза не только съ Румыніей, но, что всего преступнѣе, и съ Турціей, въ клеветѣ, будто бы Болгарія согласилась съ Австріей раздѣлить несчастную Сербію, когда это предложеніе Австріи давно отклонено Бол-

гаріей, въ преслѣдованіи болгарскихъ школъ, болгарскаго духовенства.

Въ обращеніи царя Фердинанда союзники обвиняются въ вѣроломномъ нарушеніи договоровъ. Возмущенная этимъ вѣроломствомъ вся болгарская нація отъ главы государства до послѣдняго крестьянина и поденнаго рабочаго не могла примириться съ подобною низостію.

Органъ Святѣйшаго Синода жалуется, что Бухарестская конференція исключила Болгарію изъ Македоніи, оставивъ болгарское населеніе въ подчиненіи грекамъ и сербамъ. Такое рѣшеніе можетъ привести только къ новой войнѣ, которая затопитъ Балканы кровью, быть можетъ, въ самое близкое время.

Македонцы, бѣжавшіе въ Болгарію, протестуютъ противъ Бухарестскаго мира, называя его скверной европейской цивилизаціей—грозятъ вести кровавый и упорный бой противъ новыхъ господъ своей страны и притѣснителей своего народа.

Всѣ эти заявленія дышутъ крайнею непримиримостью. Нельзя не пожалѣть, поэтому, что при заключеніи мира сербы и греки не проявили большей умѣренности въ отношеніи къ болгарамъ. Если этого не хотѣли сдѣлать греки, у которыхъ давнія антипатіи къ болгарамъ могли усилиться подъ вліяніемъ происходившей съ ожесточеніемъ войны, то сербы при всемъ томъ могли бы смягчить и безъ того тяжелыя для болгаръ условія. Вѣдь еще такъ недавно съ сербской стороны раздавались такіа рѣчи—въ брошюрѣ „Равновѣсіе на Балканахъ“ М. Милоевича:—„Г-нъ Вензелось далъ вполнѣ

государственное рѣшеніе вопросу о распредѣленіи населенія, иначе о разграниченіи между союзниками. Онъ уже высказалъ, по примѣру Кавура, что политическая необходимость требуетъ, чтобы и греческое правительство согласилось съ потребностью окончательнаго присоединенія многихъ тысячъ грековъ къ болгарской державѣ. Тотъ же принципъ безусловно усвоить и сербскіе отвѣтственные круги для своихъ соплеменниковъ въ окрестностяхъ Котана, Штина, Радовица, Струмицы и Дайрана, которая освободила сербская армія.“

Но въ дальнѣйшемъ, если союзъ окрѣпнетъ и расширится, то еще будетъ вопросомъ, что выгодно болгарамъ, примкнуть ли къ общебалканскому союзу, или, вступая въ соглашеніе съ Австріей, преслѣдовать свои частные интересы, безъ особаго расчета на успѣхъ, потому-что, нѣтъ сомнѣнія, интересы Россіи отнынѣ требуютъ всеяческой поддержки создавнаго союза. И въ будущемъ, если теперь Болгарія лишится части Эракин, присоединеніе ея къ болгарскому царству всегда будетъ наиболѣе осуществимой задачей при сохраненіи добрыхъ отношеній къ союзу.

Что же касается остающихся въ союзѣ членовъ, то ихъ заботой должно быть привлеченіе въ союзъ новыхъ членовъ. Уже и есть извѣстія о вступленіи въ союзъ Румыніи. Интересенъ также приказъ о богослуженіи на молдаванскомъ яз. въ Бессарабіи, сопоставляемый съ буллою, стѣсняющей свободу румынской церкви въ Австро-Венгріи. Все это свидѣтельствуетъ о возможности переменъ въ политикѣ Румыніи къ балкан. славянамъ и Россіи.

Быть может и Албанія, пока сна еще будетъ находиться подъ контролемъ всѣхъ европейскихъ державъ, позаботится о сближеніи съ союзомъ и ускользнетъ изъ рукъ Австріи и Италіи. Недавняя попытка албанцевъ, направленная противъ сербовъ и кончившаяся ихъ пораженіемъ, должна ихъ убѣдить, что для нихъ же выгодиѣе не подчиняться вліяніямъ, враждебнымъ интересамъ балканскаго союза.

Во всякомъ случаѣ, сейчасъ можно пожелать, чтобы такъ долго боровшіяся съ оружіемъ въ рукахъ балканскія государства перешли къ мирной жизни. Въ ихъ благословенныхъ природой земляхъ измученное лишеніями военного времени мирное земледѣльческое населеніе можетъ по справедливости ожидать умиротворенія споровъ, чтобы приняться за плодотворный трудъ.

Въ близкомъ будущемъ въ 1916 г. въ Охридѣ будетъ праздноваться тысячелѣтіе кончины епископа Климента, († 916) почивающаго въ соборномъ храмѣ. На этотъ праздникъ, можно надѣяться, соберутся изъ разныхъ краевъ славянскіе гости! И если кто отсюда, съ береговъ олонецкихъ озеръ, захочетъ прокатиться въ богатую озерами западную Македонію, не пожалѣетъ о далекомъ пути.

П. Лавровъ.

ИнСлав

Цѣна 25 коп

кв